

Анастасия РОСТОВА

Ленестки

роман-голограмма

АнастасИЯ РОСтова

Лепестки. Роман-голограмма

«Издательские решения»

РОСтова А.

Лепестки. Роман-голограмма / А. РОСтова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964350-6

Роман АнастасИИ Ростовой — история одного запрета и двух озорных и изобретательных влюблённых цифрового мира, пытающихся его обойти. Адмирал Астрофлота Блайт и Галактическая Певица Арлин противостоят Верховному Главнокомандующему и Финансисту Эктару, а также негуманоидной цивилизации и собственным искушениям. Книга издана в авторской редакции.

ISBN 978-5-44-964350-6

© РОСтова А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие. Синяя птица надежды	6
Читатель (ница), здравствуй!	8
Постскриптум для прототипов	9
Они не	10
СФЕРА ПЕРВАЯ. ЗАПРЕТ	11
Соната и сон	13
СФЕРА ВТОРАЯ. ДУЭТЫ	14
Бродвей	16
СФЕРА ТРЕТЬЯ. ЛОВУШКА	17
Выход	19
СФЕРА ЧЕТВЁРТАЯ. ЛЕСТНИЦА	20
Сфера адмирала	22
СФЕРА ПЯТАЯ. БУРЯ	23
Филиал	25
СФЕРА ШЕСТАЯ. СТАЯ	26
Каллиопа	28
СФЕРА СЕДЬМАЯ. ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА	29
Малыш (ь)	31
СФЕРА ВОСЬМАЯ. ДЕТКА	32
Некрополь	35
СФЕРА ДЕВЯТАЯ. ПРИВРАТНИК	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лепестки

Роман-голограмма

АнастасИЯ РОСтова

Иллюстрации Яна Борисова

Обложка Надежда Князева

Подготовка к публикации Николай Кочнев

© АнастасИЯ РОСтова, 2019

ISBN 978-5-4496-4350-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Синяя птица надежды

С автором этой книги, Анастасией Ростовской, мне посчастливилось познакомиться в Москве на вручении дипломов лауреатам престижной литературной премии. С тех пор мы много переписывались, делились стихотворениями и, узнавая её ближе, я всё сильнее восхищалась наполненностью и многогранностью её жизни. Талантливая поэтесса, счастливая жена и мать, успешная специалистка, работающая в международной компании... Наконец, эффектная красавица, не скрывающая своей любви к синему цвету и к Родине (сейчас, когда так модно быть патриотом и при этом немногие понимают, что это вообще такое). Когда я узнала, что она пишет также и прозу, у меня голова закружилась. «Как ты всё успеваешь, Настя?» – хотелось мне спросить. Но я начала читать «Лепестки», и все вопросы отпали сами собой. Есть такие истории, которые рвутся из груди, которые хотят быть рассказанными, и кого они выбрали, тот должен их написать. «Каждый пишет, как он дышит...» – разве можно не успевать дышать? Да, можно попробовать перестать, сказать себе, да я устал дышать, больше не буду, но тогда... Вы сами знаете, что тогда. Поэтому «Лепестки» случились, вылупились, оперились, распахнули крылья и готовятся в самостоятельный полет.

Книга, которая лежит у вас в руках – о любви. Множество историй о любви приходило мне в голову, когда я думала, с чем же можно сравнить «Лепестки». Как мы с вами знаем, сюжетов в мировой литературе ограниченное количество, и такие любящие сердца, как, например, Герда и Кай, Тристан и Изольда, Пенелопа и Одиссей являют нам примеры, если не сказать архетипы, – верности, терпения в разлуке, постоянства, преданности, воссоединения в любви, возрождения и спасения через любовь. Но, обращаясь к этим классическим персонажам, я не находила в них того, чем поразила меня история Адмирала и Певницы: это всепоглощающее или, лучше сказать, всесозидающее стремление любящих друг к другу, причем и с той и с другой стороны обжигаяще чёткое, ясное, жизнестроительное. В буквальном смысле – выбор каждого из этих героев формирует не только их судьбу, но и реальность, в которой существуют люди вокруг них. Адмирал, несмотря на свою воинственную должность – скорее миротворец, переговорщик, профессионал, который минимизирует конфликты и столкновения, а также ущерб от них. Он не военный в классическом понимании этого слова, герой и убийца в одном лице, как, например, ведьмак Геральт или мушкетер д'Артаньян, или ещё многие тысячи персонажей мировой литературы. Его тип героизма совершенно иной. Вообще мужские образы в книге очень необычны – это хранители, а не разрушители: дипломат адмирал Блайт, телохранитель Певницы Астере, мудрый хозяин волшебного сада и целитель душ Илле... А про Певницу Арлин нечего и говорить – она творец, ее слова и голос заставляют трепетать души людей, обнажают их чувства, освобождают их сердца. Но созидательная мощь этих персонажей не значит, что у них нет врагов и им не приходится сражаться. Напротив, в этом мире все уравновешено – в нём есть и корысть, и зависть, и злоба, все низменные чувства, и есть персонажи, которые воплощают их. Недаром телохранитель Арлин практически не спит и ночует под её дверью, как верный пес (только ли из служебного рвения?) – уже в первой главе мы убедимся, что блестящая карьера девушки (или её надежда на встречу с возлюбленным?) не даёт покоя некоему монстру в человеческом обличье, и на Певницу открыта настоящая охота.

Самоотверженность, искренность, сила чувств способны преодолеть многое, если не всё... Но есть враги, которые страшнее противников внешних: это собственные мысли и страхи, демоны сомнения и ревности, различные искушения, которые неизбежно встанут на пути тех, кто любит, и разлучен жестокой... не судьбой, но системой. Сначала, признаться, роман показался мне похожим на антиутопию, тем более, что действие отнесено в будущее, но затем лирическое начало, по крайней мере для меня, возобладало, и я с нетерпением ждала появления в тексте строк из песен Певницы, кратких, афористичных, раскалённых от страсти,

подобных смертоносным стрелам. От смерти тоже никуда не уйти, когда речь идет о любви. Вопрос только в том, чему дать умереть? Автор делает один выбор, а читатель волен сделать другой.

В чём я не сомневаюсь, так это в том, что «Лепестки» захватят вас, увлекут своим кружением, игрой, блеском. Это умное и искреннее повествование, более того, оно живое и щедрое – читая по главе-лепестку в день, как будто принимаешь солнечные витамины, даже если речь идёт о грустных вещах. Секрет, думаю, мне, в личности автора – ведь книга родилась в эпицентре её бытия, осмысленного, сильного, полного жизненной энергии. И даже если вы не знаете Анастасию Ростову, после прочтения этой книги вы встряхнетесь, чувствуя себя заряженным, как батарейка, и скажете, может, вслух, может, про себя: «Спасибо тебе, Певица!».

Елена Рид, поэт,
Санкт-Петербург

*Я пишу тебе письма, Настройщица Амплитуд,
Прижимая к телячьей коже горячий стилос,
Мои мысли как свечи, их треплут ветра простуд,
Ты звала меня с берега, знаю, ведь ты мне снилась.
Ты внезапность полета, над пропастью четкий шаг,
Как писал Заратустра, хотя не писал он так,
Ты плясунья над бездной, высокие этажи,
А в груди моей тесной ты слишком большая жизнь.
В парусах моих дыры, команда больна цингой,
Я не знаю, как быть, если только не быть с тобой.
Паруса корабля надувает сама чума,
От меня остается свирепая оболочка.
Я тебе не отправлю ни одного письма,
Ты меня не простишь, не забудешь, не будешь... Точка.*

Елена Рид

Читатель (ница), здравствуй!

«Лепестки» могут быть книжкой для развлечения и книжкой на подумать – как захочешь. Мне не хотелось выбирать за тебя – за нас и так слишком часто делают выбор другие. Можешь читать, не приходя в сознание. Можешь читать и думать (но это опаснее).

Назвать эту книгу любовным романом всё равно что свести к пьянству всё написанное Хайямом. Но эту книгу читаешь ты, а я как арендодатель квартиры – отдаю ключи, объясняю, куда не соваться, а дальше пусть всё будет по-твоему. Понимай как хочешь.

«Такая настоящая, что даже страшно» – этот комплимент мне как автору я до сих пор считаю лучшим в жизни. Думаю, он применим и к этой истории. Сказке? Притче? Антиутопии? Решать тебе. Но «настоящсть» я сюда положить точно не забыла!

Если случайно обнаружишь себя в категории D – жму руку, у меня те же проблемы.

За тридцать лет на Земле я так и не придумала, что с этим делать. Смеяться!)

Если я тебя не напугала, прыгай в это. Спасибо!

Постскриптум для прототипов

Если вас нарисовали, значит, в вас достаточно красоты или её антипода – красоты со знаком минус. Все авторы пишут с натуры, не все в этом признаются. Я говорю: «Да».

Все герои «Лепестков» реальны, все совпадения неслучайны. В том смысле, что я никого не придумала – просто скомпилировала то, что мне предложила жизнь.

Отнеситесь к этой книге как к лотерейному билету, который вам подарили. Возможно, он выигрышный. Всех, кого я могла предупредить о чём-то, я тоже предупредила.

Я сделала с вами то же, что и собой. Мы в одной лодке – и обещаю, что спасены.

Они не

*Мы выберемся, ты не сомневайся —
Конецлагерь кончен. Начат новый Бог.
Они пока что просят аусвайсы,
Но скоро их не пустят на порог.*

*Мы выберемся — к маяку над морем,
Заметят нас на взлётной полосе.
Мы их определения оспорим,
У них пронумерованы не все.*

*Мы выберемся — даже те, кто ранен,
И кто расстрелян — тоже — вопреки.
Уж лучше стартовать с последней грани,
Чем сдавшись, погибать от тоски.*

СФЕРА ПЕРВАЯ. ЗАПРЕТ

Got a one way ticket to the blues...
Song by Neil Sedaka,
performed by Eruption

– Ваша карта допуска имеет пометку D. Помните, что это означает, курсант Блайт? – человек в форме с тремя нашивками из четырёх строго посмотрел из-под козырька. Лицо инспектора скрывала тень.

– Конечно. При пометке D серьёзные жизненные выборы могут подлежать контролю. Инструкторы объясняли раньше. Поэтому я здесь, – ответил его двадцатилетний спутник. Цепи с брелоками на форменных штанах юноши звякнули. Это было допустимо, но не поощрялось.

– Вы подали заявление на брак с курсантом Арлин из вашего потока, номер VVDV2126?

– Не знаю, какой у неё номер, но Арлин у нас только одна, – курсант Блайт улыбнулся так, что его двадцать с небольшим лет превратились в семнадцать.

– У меня плохие новости для вас двоих. Это невозможно. Запрет с максимальным расстоянием на приближение, – инспектор говорил своим обычным приказным тоном.

– Какого чёрта?! – вскрикнул курсант в бешенстве, машинально порвав одну из цепочек.

– Курсант Блайт, я не уполномочен отвечать на данный вопрос. Можете не тратить время – вам ничего не скажут. Запрет – это всё, что вам нужно знать. Хотя нет, есть ещё кое-что. В случае нарушения запрета мы вправе принять любые меры. Вплоть до крайних – надеюсь, вы понимаете, о чём я. Речь идёт о сохранении ваших жизней.

– Это временная мера или постоянная? – к молодому человеку с трудом возвращался рассудок.

– Постоянная. Советую оставить пустые надежды и сделать так, чтобы ваши сферы деятельности не пересекались, – инспектор словно продолжал читать инструкцию по технике безопасности.

– Она уже знает? – Блайту хотелось услышать «нет». Это оставляло шансы на разговор с Арлин.

– Её тоже предупредят сегодня, если ещё не успели, – отрезал инспектор.

– У нас есть право увидеться до того, как запрет вступит в силу? – напрямую спросил курсант.

– Увидеться – нет. Но ввиду особых обстоятельств – насколько я помню, вы вместе воспитывались, – вы сможете поговорить, находясь в соседних комнатах. У нас есть специальные помещения с хорошей слышимостью, – инспектор занял позицию щедрого воспитателя.

– При свидетелях? – с отвращением уточнил Блайт.

– Нет, но ваш разговор запишут и приобщат к делу. Не думаю, что у вас будет на него больше пяти минут, – бросил инспектор, кивком указывая Блайту на дверь.

* * *

– Как мы и предупреждали, у вас есть пять минут, и каждое слово вашего разговора будет записано. Не рекомендуем упоминать ничего подозрительного. Обычно D-категория использует это время, чтобы поблагодарить друг друга и попрощаться. Вам с MSFC7817 советую именно так и поступить – это будет разумно, – инспектор кивнула сама себе. Женщину в ней выдавали только аккуратные серьги в форме крестов, не похожих на плюсы.

Девушка, пришедшая с ней, не оставляла надежд на разумное. Длинные, заплетённые в девчоночью косу волосы, были окрашены в сиреневый и прихвачены цветастой лентой. Было ещё одно «но». Вторая половина её головы, на которой предполагалось наличие ещё одной косы, была обрита наголо – похоже, что наскоро и только утром: покрасневшая кожа явно саднила.

– Блайт уже здесь? Мы можем поговорить? – печально, но твёрдо спросила она. Слёзы кончились.

– Курсант Арлин, максимальная слышимость у стены напротив, – сухо ответила инспектор.

Девушка молча подошла к стене и приложила к ней руку и щёку. Тихо произнесла:

– Здравствуй. Они говорят, что всё кончено.

– Здравствуй. На самом деле, всё начато, – через стену просочилась улыбка. Девушка подумала с полсекунды и ответила:

– Тогда я... ненавижу синие розы!!! Ненавижу, понял! – и выбежала из комнаты, оставив даму-инспектора в недоумении.

– Понял, – ответил Блайт из-за стены с некоторым опозданием. – Я дурак, что дарил их тебе! – добавил он как можно громче. Оба инспектора презрительно покривились. Курсант сжал кулаки.

Тишина стояла такая, словно кто-то только что открыл счёт. 1:0 в первом гейме.

Соната и сон

*Моцарт смеётся: ни в чём недостатка нет,
Деньги – вторичны, важней, чтоб глаза горели...
«Как избалован он блеском своих побед...» —
Молча качает седой головой Сальери.*

*Моцарт поёт или слушает тишину,
Ловит форелей в хрустальных волнах апреля...
«Ты на коне, но я скоро тебя стряхну!» —
Злая усмешка уродует рот Сальери.*

*Моцарт выходит на сцену, как латник – в бой,
Птицей поёт клавесин и шальной свирелью.
«Где тот лукавый, что в сговор вступил с тобой?» —
До преисподней несётся вопрос Сальери.*

*Сцена пустует, безмолвствует клавесин.
Моцарт бессмертен, но как же мы постарели!..
«Господи, Боже, он мог бы мне быть как сын...»
Шепчет и плачет безумный старик Сальери.*

СФЕРА ВТОРАЯ. ДУЭТЫ

*Одна была дочь матроса, ремесленника, мастерица игрушки,
другая – живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий
и образов...*

Александр Грин, «Алые паруса»

Мелодия бессмертия стояла на будильнике Певицы уже целый год. Переливчатый рассказ о свободном падении вверх – Арлин гордилась ею. Небрежно нажав большим пальцем ноги кнопку голографического органайзера, она принялась смотреть и слушать свой план на день. Ни единой свободной минуты от подъёма до отбоя, как на войне. «Почему как, все и всегда на войне с энтропией, пока живы!» – хмыкнула она и рывком поднялась с постели. Певица наскоро привела себя в порядок (остальное доделают гримёры) и села изучать новости, когда минута в минуту по органайзеру в дверь позвонили.

– А, Аджой, заходи, доброе утро!

Администратор Аджой в своём неизменном пиджаке и очках в кислотной оправе, кажется, была на ногах часов с пяти, если она вообще спала. Её короткая стрижка при виде утреннего бардака в номере Певицы буквально затряслась от возмущения.

– Арлин, почему до сих пор не в купальнике, у тебя три минуты на сборы! Едем в бассейн, с тебя фото и пара нефальшивых нот на камеру.

– А что, просто поплавать никак нельзя? – Певица знала, что ей ответят, но не могла не поддразнить Аджой, которая ко всему относилась слишком серьёзно.

– Арлин, твои рейтинги на этой неделе упали на 5 процентов, нужна какая-то дрянь, чтобы их поднять. В последний раз бикини-фото были в прошлом месяце, и на них был хороший отклик.

– Ясно, Аджой, мы снова разыгрываем карту не слишком одетой дамы червей? – Арлин стряхнула с головы полотенце и показала Администратору язык.

– Называй это как хочешь, моя забота – твои рейтинги и контракты на выступления. Хочешь быть популярной – шевелись, или иди пой в кабаках! – Аджой осуждающе посмотрела на Певицу.

– Ладно тебе, я просто пытаюсь проснуться. Как там с акустикой в этом бассейне? – поинтересовалась Арлин, уже настроившись на деловой лад.

– Вроде всё отлично, бэк-вокалистки вчера там распевались, получалось красиво. Хочешь видео?

– Нет, я тебе верю. По дороге посмотрю, если останется время. Какой купальник берём? – Арлин вытянула из чемодана с вещами два свёртка.

Вместо ответа Аджой бросила ей узкую полоску ткани. Арлин со вздохом спросила:

– Это так обязательно?

– Рейтинги! Мы отказываем фотографам ню, мы отказываем мужским журналам, мы вообще постоянно отказываем, хотя я тебе уже говорила, за сколько студийных записей мы могли бы рассчитаться вперёд, если бы кое-кто был поговорчивее.

– Я поняла, Аджой. Продавай то, что продаётся. Но учти – мне нужен мой минимум личного пространства, – Певица надела купальник, встала перед Администратором, и та скептически её оглядела.

– Спорт и диета, – вынесла вердикт Аджой. – С завтрашнего дня удвоим нормативы.

Арлин махнула рукой, наскоро натянула поношенный серый спортивный костюм и нацепила тёмные очки. Теперь Аджой по сравнению с ней выглядела попугаем, но это был их сложившийся стиль для выездов без привлечения внимания.

* * *

– Мы скоро будем, звуач готов? А что с «бэками», все на месте? Одна заболела? Которая? Зизи? Чёрт, я вчера говорила ей не лопать текилу со льдом в таких количествах. Пусть приходит в себя, второй раз замечу – вылетит с работы, так и передайте, – дорога никак не влияла на железный тон Аджой.

Певца смотрела в окно. Было ещё темно – солнце в этих широтах вставало поздно. Горели огни реклам, и незнакомый город был пуст (Арлин даже не потрудилаcь запомнить его название – всё равно напомнят вечером на концерте, а больше его знать незачем: это опять не Дом, Дома у неё нет). Где-то в этих зданиях спят люди, которые помнят наизусть её песни, читают и смотрят её интервью. Люди, которых она не знает и которые знают о ней ровно столько, сколько нужно для рейтингов. Люди, которых Аджой не подпустит слишком близко, но, наверное, это правильно...

* * *

Персонал бассейна встретил их услужливо и восторженно. На входе Арлин подписала несколько маек со своим портретом. Какой-то старенький техник, протягивая ей вещь для автографа, смущённо попросил «Для дочки». Она кивнула и послушно вывела на майке под-сказанное имя, пожелав девушке оптимизма. «Ей не мешает, раз она слушает мой нервяк!» – невесело усмехнулась Певца.

Арлин и Аджой уже подходили к голубой чаше бассейна, когда перед ними выросла рельефная фигура высокого мужчины. Его свитер в полоску подозрительно хорошо сливался с интерьером.

– Фу, Астере, когда ты уже перестанешь нас пугать, подкрадываясь, – вместо приветствия поёжилась Певца.

– И тебе доброго утра, Арлин, – невозмутимо ответил высокий. – Ты даже не представляешь, насколько оно на этот раз доброе.

– Расскажешь после бассейна, мы торопимся! – оборвала его Аджой. Она тоже была не мастерица вежливо здороваться – за исключением особых случаев.

– Бассейна не будет, – сказал Астере, спиной прислонившись к стеклянной двери и преградив спутницам дорогу.

– Что на этот раз? Много бактерий, в норматив не укладываемся? – Аджой начинала закипать. – Или кто-то опять срывает бикини-съёмку по личным причинам?

– Там кислота. Я заметил по запаху, вас успел предупредить, а вот Зизи попала в больницу. Опасности нет, лёгкий ожог, но она только попробовала воду одним пальцем. Если бы Певца нырнула, как она обычно делает... – глаза Астере зло сверкнули, и продолжать он не стал.

Арлин замерла. В этом турне ей навязывали дуэт со смертью.

Бродвей

*— Геройство чревато, моя дорогая Джейн, —
ты шла бы на шопинг, актрисою на Бродвей...
— А правда, сержант — раз уверовал, то блажен? —
танцует улыбка за складками меж бровей.*

*Сержант всё глядит исподлобья: «Вот пристрелю!
А то ведь нарвёшься на плен или трибунал!»
— Валяйте, стреляйте. А чем же я Вас так злю?
Сержант отмахнулся, но точный ответ он знал.*

*По Джейн проходили морозы, огонь, ветра —
на всё отыскался спасительный рикошет.
Сержант матерился: «Оно тебе, блин, игра?»
А Джейн удивлялась: «А Вам оно разве нет?»*

*К параду весеннему волосы отросли,
как всем остальным, Дженни выдали аксельбант.
Играли в бильярд, вспоминали про Брюса Ли,
и кто-то сказал: «А махнём на Бродвей, сержант?»*

СФЕРА ТРЕТЬЯ. ЛОВУШКА

– В Рейгана же стреляли?

– Не в мою смену.

Х/ф «Телохранитель», 1992 г.

– Очень вкусный контракт, старина Астер, если согласишься – оба будем в плюсе. Да, я хочу им тебя продать за определённую мзду, у меня свой интерес!

– Зря тратишь время, Ики. Завтра три года, как я не охраняю людей. Мой максимум – грузы на сопровождение. Больше никаких капризных «шишек» в бронированных «членовозах», только товарные накладные и подписи.

– Астер, ну хоть сходи со мной к этим ребятам! Тест на телохранителя у них завальный – никто, кроме тебя, не разберётся! Если сам не пойдёшь к ним работать, хоть подкажешь, где искать нужного человека! Я на мели, а тут за рекомендацию не кисло предлагают!

– Ладно, завтра мой выходной, и я на этот день ничего не планировал. Буду.

* * *

На следующий день авантюрист Ики повёл его в парк. На взгляд Астере, они привлекали чересчур много внимания: Ики хохотал над собственными шутками, запрокидывая голову, а его старший товарищ позволял себе лишь сдержанное подобие улыбки. Так себе друзья.

– И тут пришла хозяйка магазина и спрашивает: «Как можно было ПРОСПАТЬ пожар, остолопы?» – бесшабашно травил очередную охранницкую байку Ики.

– А действительно – как? – мрачновато поинтересовался Астере.

– Ну, понимаешь... – Ики собрался было пуститься в объяснения, но его оборвала девушка в жёлтом платье-колокольчике. Она попросила её сфотографировать, и Астере кивком отпустил своего спутника.

Он собирался продолжать путь в одиночку. Ики вряд ли вернётся быстро, к девушкам у него слабость. Астере уже почти жалел, что когда-то давно взял Ики в ученики и даже присвоил ему начальный разряд, позволявший парню кое-что зарабатывать. Проспать пожар – ну надо же!

Инстинкты обострились. Астере ощутил невидимый для других сигнал опасности, который превращал его в животное – в этом состоянии он не отвлекался на мысли, просто действовал на автомате, выигрывая свои доли секунды у тех, кто за ним охотился.

Астере мгновенно нашёл в стихийной парковой толпе неслучайные элементы, замаскированные под обычных прохожих. Это тоже были люди, но совсем иного свойства – от них исходил запах недоброго умысла и злой воли, а значит, их надо было остановить. Как? Для начала обезглавить – вычислить вожака и лишить его власти.

Нож был в кармане – маленькое складное лезвие, замаскированное под обычную карту оплаты. Астере разложил его, сделал несколько шагов, притворяясь, что пытается прочитать афишу с более близкого расстояния – и метнул.

Переговорное устройство слетело с головы вожака. Астере машинально повернулся на 180 градусов и сосчитал людей, схватившихся за уши: удар по микрофону на время оглушил их. Пятеро. Распознанный старший, не особенно скрываясь, бросился бежать. Астере кинулся за ним, подхватив по дороге свой нож, и технично сбил противника с ног.

Часто побеждает тот из двоих, кто успеет встать первым. Астере прекрасно помнил об этом и не дал сопернику опомниться. Нож был уже у его горла.

– Что вы задумали? Вызывай своих по резервному каналу и объявляй срыв операции.

Вожак послушался. «Отбой, ребята, меня взяли, не преследовать!» – произнёс он в трубку под пристальным взглядом Астере. Скрутивший его «охранник грузов» продолжал допрос:

– Кто ваш заказчик? Кто объект нападения?

– К заказчику отведу, – Астере удивило такое быстрое согласие. «Ещё одна ловушка!» – сообразил он и ещё надёжнее заблокировал руки пленного. Тот потащил его в кусты. Астере держал пленника мёртвой хваткой и не давал разогнаться, пока они не вышли на поляну.

Там в окружении деревьев стояла передвижная станция видеонаблюдения, как с картинки в учебнике для начинающих. Кто-то открыл дверь наружу бесцеремонным пинком, и на пороге показались две женщины, одну из которых он только что мельком видел на афише.

– Вы прошли тест. Обозначьте ваши требования – и можете приступать прямо завтра, – холодно констатировала коротко стриженная. Вторая, с длинными красными волосами на правой половине головы и налысо обритой левой половиной, мягко оборвала её:

– Погоди, Аджой, так нельзя. Нам понравилось, как выполнено задание, но согласия нам никто ещё не дал. Представьтесь, храбрец, я хочу знать ваше имя, – вкрадчиво попросила она.

– Астере, – он поймал себя на мысли о том, что ему неловко. Этот вид неловкости назывался «женщина», и он его терпеть не мог. Охранять что и кого угодно, но только не *эту*!

– Начальник службы личной охраны нужен мне, – сказала Певица Арлин (он вспомнил, как её звали).

– Я понял. Вы мне подходите, – мысленно кляня себя, произнёс Астере. Он сам не ожидал, что так легко переступит красную черту толщиной в её волос.

Выход

*Стучишься во все приюты
У разных краёв Земли,
Но там сговорились будто
Отталкивать корабли...*

*И речь твоя сквозь воронку
Пропущена и пуста:
Тебя – дикаря, ребёнка —
Прочтут по лицу с листа.*

*Цензура. Политкорректность.
Улыбчивый позитив.
Не выдохнуть – лишь эффектно
Свистеть на чужой мотив.*

*Не высказав половины,
Упрёки сменив на лесть,
Ты чувствуешь: метят в спину
За то, что ты просто есть.*

*К зиме засыпает лихо,
Все реки имеют брод.
И если ты ищешь выход,
Однажды найдётся вход.*

СФЕРА ЧЕТВЁРТАЯ. ЛЕСТНИЦА

*I'm a marionette, just a marionette, pull the string
I'm a marionette, everybody's pet, just as long as I sing
«I'm a Marionette», ABBA*

Лифт сломался, оставалась только лестница. Арлин не стала досадовать на эту мелочь, цель была важнее. Семнадцатый этаж... «Хороший знак!» – подумала девушка. Иногда она использовала иррациональные аргументы, но не слишком на них полагалась. Скорее, «знаки» были её способом борьбы с реальностью и извлечения позитива из её глухих, мёртвых и острых камней.

«Музыкальные проекты Аджой», 7А – значилось на навигаторе этажа. Арлин немного отдышалась и набрала вызов.

– Да, войдите, – ответил предельно собранный женский голос. Аджой всегда говорила с некоторым нажимом, словно стремилась оставить печать на бумаге.

– Арлин, – посетительница протянула ей идентификационную карту. Так делали далеко не все (чаще давали дозированную информацию). Аджой присмотрелась к той, что с порога демонстрировала такое доверие. Двадцать с небольшим, но причёска подростковая и глаза более отчаянные, чем следовало бы иметь после совершеннолетия. Аджой мысленно поморщилась – ей уже приходилось работать с этим типажом. Как же умели вынести мозг эти талантливые чистоплюи со склонностью к суициду! Хуже нет, чем эти идейные. Даже с запойными иногда бывало проще.

– Я вижу у вас пометку D, Арлин. Есть ли у вас формальное разрешение на музыкальные проекты? Откровенность за откровенность – обычно мы принципиально отказываем категории D. Нам здесь проблемы не нужны.

Арлин вздохнула и пригладила ярко-зелёные волосы на правой половине головы. Ей не в первый раз собирались отказать по этой причине. Поэтому она и стала начинать разговор с карточки.

– У меня нет запретов на музыкальную карьеру и перемещение, если вас это интересует. Сначала скажите, как вам мои записи. Вы бы стали заниматься мной, если бы не моя категория?

Аджой поняла, куда клонит посетительница. Похоже, Арлин читала недавнее интервью о её методах работы. «Если я вас пригласила, то согласна сотрудничать и хочу просто познакомиться», – кажется, так они написали?

– Да, стала бы. Голос есть, идеи в творчестве тоже присутствуют, но то, что ты делаешь, не совсем в рынке. Тебя надо направлять. Видно, что у тебя широкий диапазон, и ты подстроишься. То есть, может получится и продаваемое, и не противное тебе самой, – Аджой заметила, что перешла на «ты» с посетительницей. «Уломает она меня всё-таки», – подумала Администратор. Но эта мысль её развеселила.

– Я примерно так и думала. Значит, препятствие – только категория и связанные с ней запреты? – спросила Арлин с надеждой.

– Не только. Мне не нравятся твоя причёска и твоё отчаяние. У меня уже были подопечные, которые при первых трудностях оставляли мне слезливую записку и сигали с моста. Талантливые, заразы, но хрупкие и нежные. Ты на пороге суицида, и от тебя этим пахнет. Не уверена, что контракт станет серьёзным препятствием, если тебе взбредёт в голову самоубийственная идея.

Администратор была права. И всё же Арлин предприняла ещё одну попытку:

– Но отчаяние, говорят, неплохо продаётся? Для некоторых категорий людей, по крайней мере.

Аджой засмеялась:

– Только дозированно, моя дорогая. Немного пострадать и пойти обедать – это одно. Вглядываться в те бездны, которые видишь ты, никому не захочется. Если ты сумеешь взять под контроль то, что у тебя там копошится, мы поладим. Если нет, то нет. И да, какие-то запреты у тебя ведь есть?

– Да, и я здесь из-за них. Аджой (мы перешли на «ты», как я понимаю) ... Аджой, мне нужно выступление в Гранд Колосс Арена. Потому что это единственное место, куда может прийти человек с предельным расстоянием на приближение. Самый большой оперный зал галактики.

Аджой потеряла дар речи. Это было нагло. Это было глупо. Невозможно. Никто из начинающих даже не заикался о Гранд Колоссе – все понимали, что это нереальный вариант. Администратор не сразу подобрала слова для ответа.

– Арлин, я понимаю, тут какая-то личная история. Допустим, ты пишешь неплохие песни. Допустим, у тебя голос, который можно развить. Но Гранд Колосс – это долгие годы труда до беспамьятства и полное отсутствие собственной жизни. Но даже при этих условиях я не могу гарантировать, что ты однажды туда попадёшь.

– Твои певцы туда уже попадали. Я хочу петь в Гранд Колоссе не ради славы или денег. Это единственный смысл жизни, который мне удалось придумать. И ради этого смысла я отдам тебе всё остальное – распоряжайся мной по своему усмотрению.

Аджой покачала головой. У творческих всегда какие-то заскоки. Хорошо иметь трезвую голову.

– Ещё не хватало, чтобы потом ты всем журналистам рассказывала, как я пью твою кровь. Все вы поначалу молодые и романтичные. Тебе будут начисляться обычные проценты с гонораров. У тебя будет право отказываться от того, что тебе не нравится. Что ещё тебе нужно?

– Левая половина моей головы. Я собираюсь сбривать волосы на ней до Гранд Колосса или даже дольше.

– Арлин, твоя нынешняя причёска неженственна и эпатажна. Представь, что ты будешь ходить с ней ещё лет пять-десять. Публика от неё устанет.

– Я потерплю. Это не причёска. Это то, что запрет сделал со мной. И я не собираюсь забывать об этом.

Аджой вздохнула. Превратить кого-то с такими причудами в звезду уровня Гранд Колосса представлялось чертовски сложным, но спортивный азарт Администратора уже начал просыпаться. Она озвучила своё решение:

– Может быть, я поступаю неправильно. Возможно, мы обе сумасшедшие. Я попробую привезти тебя в Гранд Колосс, но на нескольких следующих лет ты полностью моя. С теми ограничениями, что мы обсудили. Согласна?

– Полностью. Забирай меня и делай что хочешь. Я должна петь в Гранд Колоссе, и это случится. Победа или смерть.

Сфера адмирала

*Мой мир ежесекундно на войне —
Квадраты звёзд запылали красным,
По облакам и ливням снова ясно:
Удача улыбается не мне.*

*Переставляют пешики по доске
Политики, жрецы и финансисты,
По бухгалтерии — прозрачно, верно, чисто,
По правде — снова трупы на песке.*

*Ничтожно мало сделать я могу,
Сложив края разрубленных историй:
Фронтиры обожжённых территорий
Всё так же покоряются врагу.*

*Обжоры так же поглощают снесь,
Бесстыдно и до нитки грабят воры,
Но... буду продолжать переговоры,
Пока ты есть и продолжаешь петь.*

СФЕРА ПЯТАЯ. БУРЯ

*We're leaving together,
But still it's farewell
And maybe we'll come back
To earth, who can tell?*
«The Final Countdown», Europe

Приказ о назначении Адмиралом Миротворческих Сил Астрофлота был ожидаем. Блайт понимал, что это неизбежно – не только потому, что его вклад в дело урегулирования конфликтов был отмечен многими наградами Миротворческих Сил. Была и другая причина, проще и страшнее, Адмирал на этом участке всегда был в гуще военных событий. Здесь сходились границы трёх империй, и спорные территории, заселённые пёстрой толпой, не помнили уже времён, когда за них не сражались. За пять последних лет двое Адмиралов этой зоны были убиты, а третий покончил с собой, не выдержав угроз и давления. Блайт не строил иллюзий и готовился к непростым переговорам. Соседний участок, с которого он пришёл, был гораздо более спокойным. На нынешнем придётся туго. Самое время было проверить, насколько – сегодня он официально вступает в должность. Адмирал приложил палец к слоту доступа и дал отсканировать лицо для допуска. После того, как интерактивная карта включилась, онскомандовал:

– Участок VFRVKV-512. Актуальное состояние разведданных.

Красные квадраты означали войну. Немало было и жёлтых – «данных нет». Зелёная зона была совсем крошечной. Адмирал усмехнулся – скучать точно не придётся. Уцелеть бы.

Пожалуй, только одно обстоятельство радовало его – участок был неблагополучным и, как говорили в Астрофлоте, «медийным». Про него часто писали и снимали сюжеты. Частью обязанностей нового Адмирала будут комментарии по текущей ситуации «с позиции сохранения нейтралитета», как значилось в приказе.

Как и всегда, каждая записанная им сводка будет содержать ещё одну. Адмирал знал: Певица по-прежнему не носит волос на левой половине головы. А значит, ей всё ещё важно знать, что он ничего не забыл.

Все эти годы они разговаривали: она – песнями, он – сводками. Текстом, цифрами, но чаще – подтекстом с символами, которые было легко обнаружить двум людям, выросшим вместе. Он слушал её песни и находил в них общие воспоминания об их счастливой юности до запрета. Эти изящные шифры скрывались за выбором букв и слов – впрочем, иногда Блайту казалось, что он выдумывает, вчитывая в тексты Арлин больше, чем она сама туда вложила. Спросить напрямую у него не было возможности. Адмирал полагался на свою способность чувствовать правду. Она уже не раз спасала ему жизнь.

Его человек всё ещё не нашёл информации о причинах Запрета. Годы поисков принесли несколько ложных гипотез. Ни одна из которых не подтвердилась. Они словно ходили по кругу. У Певицы по-прежнему были причины ненавидеть синие розы – никто не мог подарить их ей. Адмирал иногда посылал ей Сферы с чужих приборов, но понимал, что они могут затеряться в общем потоке или не пройти контроль как потенциально опасные – он подписывал их набором цифр без имени и личного номера.

– Эй, Адмирал, чего такой смурной? Перечитал биографии предшественников? – на загоревшемся экране появилось улыбчивое лицо не унывающего Адъютанта.

– Доброе утро, Ганер, я ждал тебя, заходи, как только сможешь! – Блайт был рад выйти из привычного круга мыслей и вернуться к работе. Там, по крайней мере, что-то можно было изменить.

Ганер не заставил себя долго ждать, он ввалился, напевая отвратительно грязную песенку «Как в порту красotka», и хлопнул Блайта по плечу.

– Ну что, уже видел, в каком мы дерьме? Я со вчерашнего дня смотрю и читаю, как бездарно здесь всё просрали до нас – лучше всяких анекдотов.

– Это да. Элт, похоже, крепко не ладил с местными. Они настолько отравили ему жизнь, что он даже не стал ждать, пока они его грохнут, и самоустранился. Дело дрянь.

– Точно. Хрен поймёшь, с кем тут вообще можно договориться – тут сплошь такие деятели, которых не жалко поставить к стенке, да ещё и на могиле потом попрыгать.

Блайт улыбнулся – Ганер с его отчаянной прямоотой всегда выражал мысли так, что происходящее становилось забавным.

– Ганер, ты просто образец терпимости, как всегда. Смотри не проколись где-нибудь, кроме моего кабинета, у нас тут наверняка лишних ушей уже понатыкали в три слоя.

Ганер кивнул. Он и сам прекрасно знал, сколько новых датчиков и лазутчиков приносит каждое новое назначение вроде этого. Он, наконец переключился на рабочие темы:

– Ладно, давай к делу. Я выкопал тебе описания ключевых игроков по нашему участку. Хроники, даты рождения, расовая принадлежность, кое-что о слабостях и интересах. Как я уже сказал, редкие уроды, но работать придётся с ними, других у нас нет. Или договоримся, или нас здесь положат.

– Умеешь ты обнадёжить, Ганер, – Адмирал засмеялся. С Адъютантом он был вполне согласен. Морщась, чертыхаясь и отпуская нелестные комментарии, они стали изучать противников.

Филиал

*Мы сильнее, рождённые в Филиале —
На задворках чумных деревень и зон,
В волчьей яме, помойке, хлеву, подвале,
Не с дождём, не в четверг, да и не в сезон.*

*Вы нас били, давили, в лицо плевали,
Пропускали с табличкой «дурак» сквозь строй.
Вы нам сыпали угли, а мы едва ли
Замечали их злой раскалённый рой.*

*Отбивались, пружинили и вставали,
Улыбались кривым и щербатым ртом,
Мы такие, рождённые в Филиале, —
Мы всегда возвращаемся со щитом.*

*Что бы вы ни придумали, ни соврали,
Кто б имён наших грязью ни замарал,
Будет лучшим наш финиш на этом ралли —
Это просто не первый наш Филиал.*

СФЕРА ШЕСТАЯ. СТАЯ

*Here we are, born to be kings
We're the princes of the universe
«Princes of the Universe», Queen*

Церемония чествования выпускников Академии Астрофлота подходила к финалу. Уже высказались официальные лица, закончился праздничный концерт. Предстояло самое интересное – каждый выпускник с нетерпением ждал, куда подует его Ветер Судьбы.

– Выпускник Блайт, номер MSFC7817. Отличные показатели, назначение первого выбора – Миротворческие Силы.

Блайт поднялся на сцену, кивнул товарищам и принял Сертификат – последнее напоминание об Академии. Он покидал её с лёгким сердцем – с момента, когда Арлин забрала документы, нахождение в этих стенах действовало на него удушающе. Он погрузился в учёбу и подал заявку на экстернат, чтобы Академия скорее осталась позади. Миротворцев посылают в приграничные зоны. Он будет максимально далеко от всего, что порождает ненужные воспоминания.

Сертификаты находили своих владельцев. Сначала их получали лучшие из лучших, дальше очередь выстраивалась согласно среднему баллу. Блайт хотел бы уйти сразу, но церемония предполагала знакомство с будущими товарищами по службе – а значит, в этом был какой-то смысл. В его колонну добавилось несколько новобранцев.

Ректор Академии заканчивал пожимать руки и выдавать Сертификаты. Скоро вне колонн остался всего один человек с небрежной отросшей стрижкой до плеч и в слишком узком костюме.

– Ну, и под занавес наш герой, Ганер номер SO1SV6391. Признаться, я уже не верил, что вы когда-нибудь закончите у нас учиться, Ганер, но вот, наконец, это произошло.

Выпускники прыснули со смеху, а сам Ганер картинно раскланялся, порождая новые волны хохота. В колонне рядом с Блайтом зашептались: «Ещё бы, проучиться вдвое дольше срока – это надо иметь талант!» Ректор продолжил:

– Мы долго думали, куда вас рекомендовать, Ганер. В конце концов, решили, что с вашим даром убеждения и переговоров вам показаны Миротворческие Силы. Вы столько раз передавали мне Историю Астрофлота, что должны знать этот предмет лучше всех.

Выпускники снова загоготали. Кто-то один зааплодировал, и это оказалось заразно. Ганера чествовали овацией – этого не удостоился ни один блестящий отличник. Парень помахал всем рукой, приложил два пальца к виску и поклонился ректору в своей шутовской манере. Колонна новобранцев Миротворческих Сил уже радостно махала в ответ симпатичному раздолбаю.

– Ну что, ребята, будем служить вместе на ниве бла-бла-бла. Кто не знает, звать меня Ганер, люблю тёлок, выпивку и картишки. Категория D, кому интересно.

Когда построение восстановилось, и Блайт оказался с Ганером плечом к плечу, он счёл нужным отрекомендоваться шёпотом:

– Блайт, категория D. Тихоня, дорожу репутацией и уже тащу на себе один Запрет.

– Сдыхаешь со скуки? – сощурившись, спросил Ганер.

– В общем, да. Мне есть чему у тебя поучиться. Надеюсь, что это взаимно.

Ганер посмотрел на него совсем другим взглядом. На месте шута стоял волк с обострённым нюхом. Блайт не мог не заметить, как ради него приподняли маску.

– Мы нужны друг другу, – произнёс выпускник Ганер после долгой паузы изменившимся голосом. Он протянул Блайту руку. В глубине его глаз показались двери, запечатывавшие тьму. Блайт мысленно пошёл по этому коридору. Всё чисто. Напарникам надо доверять.

Каллиопа

*Он сидит за газетой и хмурит высокий лоб,
Но охотнее слушал бы песнь парашютных строп,
Никому не судья, не хозяин и не холоп —
Лютый зверь непротоптанных диких троп
Убеждает себя: «Я – серьёзен. Собой – владею!»*

*Она бьётся, как лава о стык литосферных плит —
Пламя плещется в ней, и вода перед ней горит,
В ней поют и цветут острова её – Кипр и Крит,
Отпечатки балов на колене нежнейшей из Маргарит
Поцелуями мёртвыми грешными холодеют.*

*Он давно доказал, что не властна над ним судьба —
Он отнюдь не из тех, кто способен ходить в рабах,
Но он помнит, насколько сильна она и слаба,
Её имя грустит, словно соль, на его губах,
Потому что он видит не женицину, а Идею.*

СФЕРА СЕДЬМАЯ. ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА

*...ежели разобраться, что такое счастье? Это – жизнь без
страха...*

Владислав Крапивин

...Арлин и Аджой шли между гримёрными, обсуждая подготовку к вечернему шоу.

– Статистика по прослушиваниям говорит, что тебе нужно петь ниже, – наставляла Администратор.

– Куда уж ниже, у меня контральто, и тебе это прекрасно известно! – отмахнулась Арлин.

– Это не то, людям нужно что-то более вкрадчивое, я бы даже сказала – интимное. Чтобы каждый чувствовал, что ты обращаешься к нему лично, а не кидаешь слова в пространство. Я пересматривала твои выступления, иногда ты выглядишь совершенно не от мира сего. Им нужна живая женщина, не заносчивая кукла на сцене, – Аджой снова углубилась в тонкости психологии.

– Аджой, тебя послушать, так я постоянно должна обслуживать чужие инстинкты! – Арлин болезненно поморщилась.

– Не постоянно, это тоже плохо для рейтингов. В тебе должна быть загадка, и лучше не одна. Так что я пришлю к тебе очень специфического человека. Он ставит речь профи из разных сфер – от политиков до тех, кто как раз обслуживает инстинкты и зарабатывает себе этим на жизнь, – Аджой сделала акцент на «зарабатывает». Цифры были её извечным железным аргументом.

– Ладно, я как минимум из любопытства послушаю этого твоего скандального гипнотизёра. Но помни – по нашему контракту я имею право отказываться от всего, что мне не понравится, – Арлин слегка нахмурила брови. Свою небольшую степень свободы ей приходилось отстаивать каждый день.

– Послушай-послушай. Твой мир после этого всё равно не останется прежним. Мне нужна заклинательница на сцене, а не школьница у доски – надеюсь, ты не думаешь, что уже умеешь всё необходимое для Гранд Колосс Арены?

Арлин не успела ответить. Перед ними, как всегда бесшумно, вырос Астере.

– Певица, мы поменяли твою гримёрную. Будешь готовиться к выступлению этажом ниже, я провожу, – Астере казался спокойным, но складка между бровей не желала разглаживаться. Что-то случилось.

– Что там? – спросила Арлин, указывая на дверь гримёрки, предназначавшейся для неё изначально.

– Точно хочешь это видеть? – Астере ответил вопросом на вопрос. Невозмутимость в его голосе казалась фальшивой. Певица знала его достаточно давно, чтобы считать скрытый сигнал тревоги.

– Хочу, – кивнула она. Арлин предпочитала знать правду.

Астере жестом пригласил их обеих последовать за ним. Он аккуратно взялся за ручку, чтобы не повредить возможные отпечатки пальцев, и пустил спутниц на порог.

– Дальше не проходите и ничего здесь не трогайте. Я уже сообщил, куда следует.

Гримёрка напоминала микроросударство после стихийного бедствия. Зеркала были разбиты, шкаф разворочен, стулья погнуты. На полу лежало несколько задушенных крыс с верёвками на шеях. Бюст, служивший подставкой для париков, был опрокинут и залит вязкой красной жидкостью в области горла. Всё той же красной жидкостью на стене написали: «Сгори в аду, тварь!» В висевший на двери постер с изображением Певицы кто-то воткнул ножницы.

Арлин поёжилась. Даже после предупреждения Астере зрелище оставляло гнетущее впечатление.

– Почерк женский, – глубокомысленно произнёс начальник службы личной охраны. – Мужики обычно на такое не размениваются. Ну, или без такой «любви к деталям» действуют, – усмехнулся он, указав на перемазанный бюст.

Аджой кивнула:

– Будем искать женщину. Такое можно дать в новости (ты ведь не возражаешь, Астере?), но всё это дурно пахнет. На Певицу кто-то всерьёз охотится.

Арлин уже повернулась в другую сторону и смотрела в одну точку отрешённым взглядом. Всё случавшееся с ней было просто материалом для её песен, не более того.

Малыш (ь)

*Он тебя заслоняет от колких дождей и ветров,
И от солнца спасает своей нависающей тенью...
Завтра будет всё то же – он даст тебе пищу и кров,
И покажет миры – сквозь своей паутины сплетенья.*

*Всё как будто привычно твоё, только где в этом ты?
Что ни слово, то «он» – для него все заглавные роли.
Он щелчком отбивает идеи твои и мечты —
Ты как будто на ринге, и там тебя вновь поборол.*

*Он однажды исчезнет куда-то (ведь ты не сбежишь),
На тебе все печали, долги и забота о хлебе...
Ты, как прежде, робеешь и стелешься, слыша «малыш»,
Но уже ощущаешь, что крепнет твой собственный стебель.*

СФЕРА ВОСЬМАЯ. ДЕТКА

Angels crying, when you're far away from me...

E-type

День перемирия на участке означал немного отдыха для Адмирала и Адъютанта. Конечно, всегда остаётся риск быть поднятым по тревоге и в такой день. Но даже несколько часов относительной тишины – бесценный подарок для Миротворца.

Адмирал сидел в кресле и слушал музыку. Вряд ли стоило спрашивать, какую. Иногда по его лицу пробегала тень – дрожь в голосе Певицы его расстраивала. Прийти, написать, спросить, в чём дело – всё это было под запретом. Надежда коварна, когда она беспочвенна. Когда ждёшь перемен к лучшему годами, надежда разъедает душу, и даже самые светлые воспоминания становятся чёрным ядом. Счастливые годы детства и юности были отсечены Запретом. Адмиралу часто снилось то время, и пробуждение каждый раз оказывалось горьким. Даже не унывающий Ганер в такие дни подолгу не мог разговорить друга.

Лились песни. Блайт различал и первый, доступный всем, слой смыслов, и второй, предназначавшийся только ему. Отчаяние сменялось душевным подъёмом – Певица всегда чередовала композиции в альбомах по принципу контраста. Она была океан с землетрясениями на дне. Она была цунами. Она была переменчива – ласкова и невыносима почти одновременно.

Он много раз думал о том, чтобы сдаться и никогда не напоминать ей о себе. Существовала масса способов дать ей понять, что он подчинился Запрету. Но он не делал этого, потому что некоторые люди боятся молний, а некоторые – любят их. Он хотел любоваться молнией, которая, словно нестерпимо яркая трещина, рассекла всю его жизнь. Потусторонний свет, исходивший оттуда, заставлял его продолжать.

– Бросай ты это дело, Адмирал. Как выдастся у тебя свободная минутка, ты себя ковыряешь этой девкой. Красивых тёлок много. Часть из них умеет петь, если тебе так больше нравится. Обеспечивай ротацию и живи себе счастливо. Пусть они тебя развлекают! – относительно женщин у Ганера было своё мнение. В общем и целом, он их презирал.

– Это не совсем та история, Ганер, – улыбнулся Блайт из-за пределов реальности.

– Все эти истории одинаковы. Бабы, если дать им волю, садятся на шею и начинают прищипывать. Все до одной. Ты просто не подобрался поближе к этой своей Певице, она б тебе исполнила. Уверен, там нет ничего особенно интересного. Точно не иначе устроена... – Ганер собрался отпустить скабрёзность, но глаза Адмирала опасно сверкнули, и он осёкся.

Блайт нахмурился. Это был уже не первый подобный разговор. Надо было что-то делать.

– Ганер, я редко напоминаю тебе, кто из нас старше по званию. Но если это нужно, чтобы ты перестал отзываться дурно о Певице, я тебе это прикажу. Я не хочу слышать гадостей в её адрес. То, как я поступаю, только мой выбор.

Ганер пожал плечами, кажется, оставшись при своём. Затем он примирительно сказал:

– Постараюсь тебя понять. Для меня это выглядит странно и глупо, – признался Адъютант.

Адмирал кивнул. Он прекрасно осознавал, как всё это смотрится со стороны:

– Постарайся. Эта история больше того смысла, который ты в неё вкладываешь.

Повисла неловкая пауза, которую прервала система оповещений.

– Плановый визит Леди Астрофлот на ваш участок.

– Чёрт меня дери, сегодня я не причесался и скверно побрился! – Ганер начал лихорадочно приводить себя в порядок. Блайт насмешливо спросил:

– Твоя философия предписывает напрягаться ради каждой юбки? – он явно был рад случаю отыграться.

– Ладно тебе, Мирэль хоть и не блещет остроумием, но формы у неё что надо! – Ганер даже присвистнул, продолжая лихорадочно раздирать свои космы.

Адмирал нажал несколько кнопок, чтобы проследить путь гостьи. Мирэль Рика, Леди Астрофлот, в последнее время приезжала на их участок довольно часто, благо их усилиями тут, наконец, стало спокойнее и безопаснее.

– Здравствуй, Мирэль, тебе нужна вторая дверь слева от тебя, – сказал он по громкой связи. – Нашла?

– Да, спасибо, Блайти, – Адмирал поморщился. Попытки Мирэль превратить его в карманного пёсика раздражали.

– Пожалуйста. Второй поворот направо. Нужна будет твоя карточка, отпечаток пальца, а потом посмотри в камеру.

– Поняла-поняла.

– Хорошо. Я включил подсветку, дойдёшь по ней. Дальше мы встретим, – Адмирал выключил громкую связь.

Теперь требовалось быть вежливым. Юная Леди Астрофлот была дочерью Командующего Миротворческих Сил. Никто, кроме неё, не упоминал этого вслух. Всё, что она делала, должно было быть превосходно. Ну, в крайнем случае – замечательно.

Ганер уже успел привести себя в относительный порядок и помчался встречать Мирэль. Адмирал тут же открыл карту разведанных и погрузился в работу. Меньше слов – меньше проколов.

– Какие у вас тут всё-таки катакомбы, мальчики! Как вы вообще можете здесь находиться! – Мирэль распахнула свои огромные глаза.

– Герои живут в суровых условиях, – шутливо ответил Ганер. – И тем приятнее, что в редкую минуту отдыха к нам навешиваются очаровательные дамы...

«Бабий угодник!» – Блайт покачал головой. Ганер прекрасно поддерживал светские беседы, когда ему это было выгодно.

– Здравствуйте, Адмирал! – Мирэль протянула Блайту руку, не забыв при этом поправить длинную рыжую косу. Она действительно была потрясающе красива и отлично ухожена, как породистая кошечка, которой повезло в жизни.

– Добрый день, Леди Астрофлот. Надеюсь, ваше путешествие было исключительно приятным, – вежливо ответил Блайт, на секунду оторвавшись от статистики по убитым на их участке за последний месяц.

– Вы столько работаете, это просто потрясающе! Папа вас очень хвалил! Раньше он ни за что бы не отпустил меня сюда, здесь было слишком опасно. Благодаря вам ситуация изменилась.

– Увы, не настолько, как нам бы хотелось, Мирэль – здесь по-прежнему стреляют, и есть серьёзная негуманоидная угроза, с которой мы до сих пор не разобрались до конца, – Блайт намеренно сделал акцент на словах «стреляют» и «угроза», но, кажется, его не поняли.

– Блайти, я так ценю твою скромность! – Леди Астрофлот посмотрела на Адмирала долгим красноречивым взглядом. – Мальчики, я ведь тоже здесь по делу. У меня к вам просьба...

– Любой каприз, мы готовы, – Ганер гордо вскинул голову. «Идиот!» – устало подумал Блайт.

– Я разработала новый вариант парадной формы – посмотрите. Мирэль отстегнула от цепочки на груди небольшой дизайнерский носитель, и Ганер услужливо принял его. Проверка безопасности – и они увидели нечто.

– Ффу-туристично, – дипломатичный Ганер нашёл нужное слово, глядя на немыслимое сочетание цветов и форм. Кружева, огромные нелепые рукава, брюки-клёш. Это были карнавальные костюмы, но никак не военные мундиры. Блайт выдохнул.

– Вариант ещё не прошёл утверждение, но папа разрешил мне пригласить вас в качестве моделей, если вы согласитесь. Это так концептуально – настоящие Адмирал и Адъютант испытывают новую форму!

– Мы собирались в этом месяце договориться о встрече с негуманоидными, – поспешил ответить Блайт.

– Вам дадут выходные и найдут замену! Я всё предусмотрела, – Мирэль радостно улыбалась.

– Мы готовы оказать эту честь Леди Астрофлот! – козырнул Ганер.

– Отлично, мальчики, я всегда знала, что могу на вас рассчитывать. Ещё свяжемся! – Мирэль забрала носитель, разгладила складки одежды и направилась к выходу. Ганер пошёл её провожать. Когда он вернулся, Адмирал уже метал дротики в цель.

– Поздравляю, клоун-манекенщик! – мрачно поприветствовал он Адъютанта.

– Смотри на жизнь проще! – сказал Ганер, подбирая дротик и включаясь в игру.

Цель на мишени менялась каждый месяц. На этот раз там было написано «нелюди».

Некрополь

*В городе – слякоть, и выпадет мокрый снег,
В пальцах цветы – яркопёрые попугаи.
На небесах регистрируют наши пробег
(Пусть их запишут – такое нас не пугает).*

*Твой внедорожник за номером «всё окей»
До царства мёртвых проедет над Стиксом, Летой...
Здесь тихо спит меломан мой и диск-жокей —
Вот уже девять лет без него планета.*

*Ты смотришь в небо, пока мы с отцом молчим,
Сосны качаются, слёзы роняет тополь,
Главный свидетель, как прежде, неразличим...
Вот и довольно живым осквернять некрополь.*

*«Больше никто не привозит тебя к нему?..»
Ты не ошибся. Никто. Я в ответ киваю.
В чём-то быть первым, единственным, одному...
Правда не сказана, и потому живая.*

*Памяти нет у безвестной реки лесной —
Мы тратим речь, по течению слова пуская...
Эта земля между нами есть шар земной,
Эта вода – океанская и морская...*

СФЕРА ДЕВЯТАЯ. ПРИВРАТНИК

Люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут.

*Антуан де Сент-Экзюпери,
«Маленький принц»*

Певица спустилась к завтраку последней. Астере и Аджой уже пили кофе и что-то горячо обсуждали. При её приближении разговор резко прекратился. Арлин обратилась к Астере:

– Доброе утро. Что за секреты? Аджой всё-таки хочет запродать меня какому-нибудь мяснику и предлагает тебе проценты за согласие?

Начальник службы охраны даже не стал спрашивать, откуда такие мрачные шуточки. После ядовитых шипов в синтезаторе Певицы им всем окончательно стало не по себе. Её спасло счастливое совпадение – Астере сам паковал инструмент после предыдущего выступления и вовремя заметил, что синтезатор переложили в другую коробку. Если бы не чутьё телохранителя, Арлин не прожила бы и получаса после прикосновения к своему любимому инструменту...

– Доброе, Арлин. Мы тут пришли к выводу, что события последнего времени дурно сказываются на твоём здоровье. Тебе нужен отдых и немного покоя, – начала Аджой.

– Где ты обычно восстанавливаешь силы, нам прекрасно известно, и я сам готов тебя туда отвезти хотя бы на полдня, – продолжил Астере.

– Похоже, вы за меня всё решили, ребята, но я, честное слово, не против. Эти любители мертвечины с их стремлением меня угробить нагоняют тоску – они начинают повторяться, – Арлин бодрилась, но тёмные круги под глазами Певицы от этого и не думали исчезать.

* * *

Астере был отличным телохранителем. Хотя бы потому, что в его присутствии Певица могла спать и плакать – в этих двух состояниях её почти никто не видел. Доверием Арлин не разбрасывалась. Вот и сейчас она просто спала под еле слышный шум двигателя прогулочной капсулы – руководствуясь профессиональной паранойей, Астере взял её напрокат.

Из-за недавних событий Певица выглядела больным измученным ребёнком. Для него практически так оно и было – если бы он за долгие годы своего служения не развил какое-то подобие отцовского чувства к своей подопечной, она давно свела бы его с ума своими бесшабашными выходками.

Астере усмехнулся этой мысли и прикинул, сколько осталось добираться. Нужно было сказать Арлин, когда он за ней вернётся – с чувством времени у Певицы, как у всех творческих, было неважно. Впрочем, он уже привык держать её график на контроле, если Аджой вдруг брала выходной (такое пару раз в год всё же случалось).

Нежность и восхищение крепко держали его рядом с Певицей. Астере видел, как легко и с озорством она предлагает изящные решения, до которых он вряд ли додумался бы. Нет, он прекрасно справлялся с чем угодно и сам. Просто Певица делала это как Певица, он бы так не смог. Потому он готов был защищать её даже тогда, когда она артачилась и капризничала (а она это умела!).

«Досталось ей в последнее время...» – подумал он с болью, оглянувшись. Певица спала беспокойным сном морально уставшего человека, часто меняя положение. Синие волосы с правой половины головы закрывали подушку ровным шелковистым слоем. Левая половина, на которой начинал отрастать ёжик, беззащитно белела в сумраке капсулы (Астере оставил

только подсветку на приборах). На руке еле слышно позванивали браслеты с надписью «победа или смерть» на разных языках – в последнее время Певица их собирала, и фан-клубы присылали их ей в разном дизайне. «Хорошо бы победа, второй вариант нам не подходит!» – подумал Астере.

Он не понимал, как можно желать смерти кому-то вроде Арлин. Эти блаженные и так не знают, что делать с противоречиями внутри себя, и плохо приспособлены к жизни. Для него самого это всегда было табу – как ударить ребёнка или животное... Он видел, как она притворяется сильной ради своей победы, но видел и обратную сторону – то, как она спала и плакала.

* * *

«Заповедные Сады Илле. Доступ строго по приглашениям», – гласила надпись. «Вот и отлично!» – подумал Астере. – «Хватит с нас лишних неизвестных и неидентифицированных!» Он с удовлетворением окинул взглядом решётку садов и сосчитал количество камер и лазеров по периметру. «Сюда им не добраться, кишка тонка будет!» – ухмыльнулся он.

– Вставай, Певица. Тебя ждут! – Астере осторожно покачал из стороны в сторону руку Арлин. Браслеты зазвенели.

Певица сладко потянулась спросонья и расцвела, глядя на знакомую решётку – в Садах она не была уже давно: не удавалось вырваться. Ну, и на душе прежде было терпимо.

– Спасибо, что доставил. Мне это сейчас нужно, – Певица одарила его тёплым взглядом.

– Это было не сложнее, чем довести из пункта А в пункт Б ценный груз, – сощурился начальник службы охраны. Арлин улыбнулась и пошла к воротам Садов.

– Я вернусь через 8 часов. Времени достаточно, – бросил вдогонку телохранитель. Певица кивнула.

«Вас приветствуют Сады Илле. Введите тип приглашения?» – Арлин выбрала «бессрочное», гадая, есть ли бессрочный допуск в Сады у кого-то ещё. Скорее всего есть, но имена этих людей она вряд ли когда узнает. Идентификация была достаточно головоломной и только начиналась сканированием сетчатки (факторов установления личности было много). В конце концов Певица услышала «добро пожаловать». Как только Астере убедился, что она может войти, он опустил тонированное стекло капсулы и задал координаты следующего места назначения, небрежно махнув Певице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.